

ГЕОРГИЙ ЯКУЛОВ—ХУДОЖНИК ТЕАТРА

(Умер 28 декабря 1928 г.).

Умершему трагически и рано Георгию Якулову, конечно, будет посвящено не одно исследование: его роль в декоративном искусстве театра последнего 10-летия — центральная, узловая роль. Наш театр вошел в Октябрьские дни с более или менее законченной декоративной системой: это была художественная система «Мира искусства», система живописного эстетизма. Александр Бенуа и Головин, Добужинский и Судейкин — сделали в свое время огромное дело, подняв живописную культуру нашего театра и поставив на место запыленного штампа дежурных павильонов произведения высокого живописного мастерства. Это было время, когда театр буржуазии и интеллигенции искал выхода из перманентного кризиса в гегемонии художника-декоратора. Это было временем «засилья художника в театре». Но, подходя к театральной декорации, как к большой картине, мысля себе сцену, как большую иллюзионного типа панораму, обещанную полотнами, мимо которых и вне связи с которыми двигаются и говорят актеры, художники «Мира Искусства» не могли произвести органическую реформу в театре, они не могли подняться до осознания театра, как целостного зрелищного процесса.

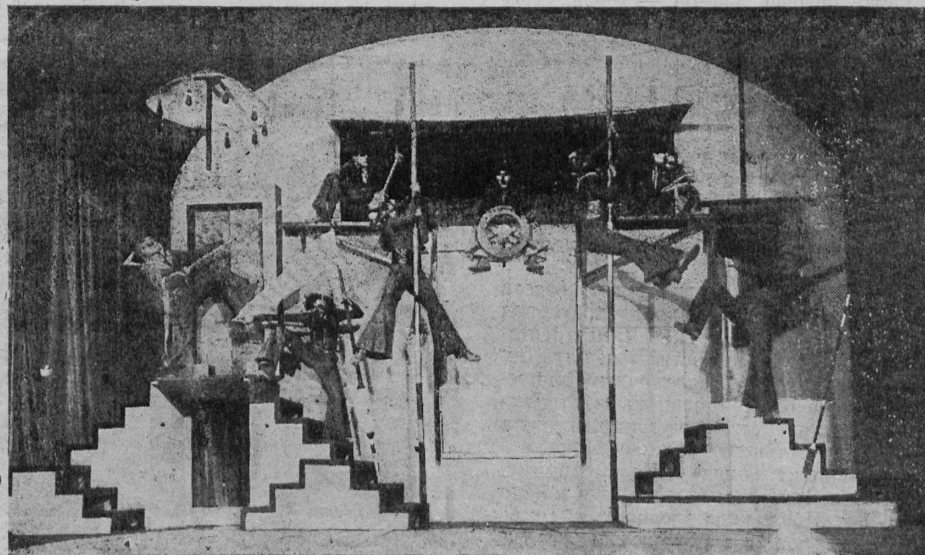
Генеральная линия театрально-декораторской работы последнего 10-летия заключалась именно в том, что на смену художника-декоратора стал расти художник-конструктор. Принадлежа по живописному своему мировоззрению к кубизму, Якулов, естественно, стал перед проблемой пространства в живописи, и уже в этом было первое его отличие от художников «Мира Искусства» с их прикрытием к краске и линии. Но проблему пространства разрешить в станковой живописи нельзя. Отсюда естественный переход Якулова к работе в театре. И здесь-то его пути органически и естественно сочлелись с дорогой Московского Камерного театра, внутри которого Якулов создал свои наиболее значительные произведения, свою декоративную систему. Начав с оформления символического Клоделевского «Обмена», он затем в следующих быстро одна за другой постановках «Синьора Формика», «Адриенна Лекуверр», «Принцесса Брамбилла», «Жирофле-Жирофля» и «Розита» придает законченную форму своей философии театрального декоратора. Якулов изобретает для каждого спектакля своеобразную и законченную в себе сценическую площадку. Он строит ее, как конструктор сцены. Эта площадка часто парадоксальна, почти всегда аттракционна. В «Жирофле-Жирофля» это — двухэтажная коробка, открывающаяся створками своими создающая превращения сценической площадки и меняющая ее форму. В «Розите» — это условная арена народного балагана.

В «Принцессе Брамбилле» — уходящая книзу спираль. Каждый из этих декоративных замыслов по-своему определяет форму спектакля и очерчивает линию движения актера и режиссерских планировок. Логическим дополнением к площадке служат костюмы актеров, строящиеся в сложном цветовом контрапункте друг к другу и к декорации. Эта система принципиально лежит уже по пути к театральному конструктивизму. Но отличается от него двумя существеннейшими признаками. Якулов принес с собою в театр огромную любовь к цвету. В отличие от следующего поколения чистых, избегающих «цвета» конструкторов он любит наводить сцену невиданным блеском красочного спектра. Великолепной голубой и красной гаммы «Жирофле-Жирофля» не забыть тому, кто хоть раз видел этот очаровательный спектакль, не забыть и причудливых костюмов «Принцессы Брамбиллы».

Чистый цвет, освобожденная от примеси краска не имела в театре более восторженного и более красноречивого защитника. Но эта особенность творчества Якулова помимо индивидуальных его свойств определяется и общим театральным его мировоззрением, его «эстетизмом». И в постройке сценической площадки, и в выборе красок художник исходил из утверждения самоценности театрального зрелища. Его лестницы, его платформы, его костюмы — все это служит лишь одному — возможности максимально разнообразить, интенсифицировать зрелищный эффект, возможности развернуть до конца внутреннюю диалектику сценической линии и краски. Соображения смысловой скупости, соображения конструктивной целесообразности чужды Якулову в центральных его работах, и в этом — второе большое отличие его декоративной системы от пришедшего ей на смену чистого конструктивизма. Впрочем, Якулов никак и не думал останавливаться на раз утвержденных позициях. С необычайной страстностью, словом и делом защищая свое театральное мировоззрение, он в последних своих работах продвинулся значительно вперед. Сделанные им для «Габимы» декорации «Вечного жид», ряд кровель и горизонтальных площадок — отмечены чертами четкости и скупости, которые как бы предвещали переход художника к новому большому стилю. Якулов шел к монументальности, шел к осознанию подлинного стиля наших дней. И в этом отношении ранняя смерть его подобна смерти Вахтангова: оба остановились накануне больших и завершающих достижений. И, как и Вахтангов, Якулов войдет в историю нашего театра, как один из крупнейших представителей его переходного периода.

Адр. ПИОТРОВСКИЙ

МОСКОВСКИЙ КАМЕРНЫЙ ТЕАТР

«ЖИРОФЛЕ-ЖИРОФЛЯ»
ОФОРМЛЕНИЕ Г. ЯКУЛОВА

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

**КАДР ИЗ ФИЛЬМА „ПЯТЬ МИНУТ“, ВЫПУСКАЕМОЙ
ГОСКИНПРОМОМ ГРУЗИИ К ПЯТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ДНЯ
СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА**

СЦЕНАРИЙ И РЕЖИССУРА: А. С. БАЛАГИН И Г. М. ЗЕЛОНДЖЕВ-ШИПОВ.

№ 4
1929

№

4

1234

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЖИЗНЬ
ИСКУССТВА20 ЯНВАРЯ 1929 Г.
ВОСКРЕСЕНЬЕ
12-й ГОД ИЗДАНИЯЛЕНИНГРАД II—ПР. 25 ОКТЯБРЯ, 28,
3-й ЭТАЖ, ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ 1-36-75
ТЕЛЕФ. КОНТОРЫ 1-36-75. РЕДАКЦИЯ
ОТКРЫТА ОТ 2—5, КОНТОРА ОТ 11—5МОСКВА 9—СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, Д. 2. ТЕЛЕФОН 2-61-45
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД—12 РУБ., НА ПОЛГОДА—6 Р.,
НА 3 М.—3 Р., НА 1 М.—1 Р., ЗА ГРАНИЦУ—1 ДОЛЛАР В МЕС.
ОРГАН ЛЕНИНГР. ОБЛНО. ИЗД. ТЕА-КИНО-ПЕЧАТИ

ЛЕНИН И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Пять лет исполнилось со дня смерти вождя международной пролетарской революции, началом которой явился Октябрьский переворот. Пять лет международный пролетариат борется против международной буржуазии без руководства гениальнейшего стратега коммунистической революции. Но, лишившись своего вождя, рабочий класс уверенно идет по стезе, им проложенной. Если Ленина нет уже больше с нами, то живы теория и метод ленинизма, бессмертно его учение, воплотившееся в практике созданной и воспитанной им большевистской партии и основанного им Коммунистического Интернационала.

Как это бывает с подлинным гением, чем больше мы удаляемся от Ленина, тем более значительным представляется нам его дело, тем более величественной вырисовывается его фигура, тем более поражают нас глубина и широта его теоретических взглядов. Ибо последнее пятилетие (1924—1929), как и вся эпоха мировой пролетарской революции, в которой мы живем, явилось прекрасной исторической проверкой ленинизма, подтвердив глубокою правоту как его теоретического анализа, так и неразрывно связанной с ним революционной практики. Историческое развитие шло по пути, который предвидел Ленин, — по пути обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, по пути восстаний угнетенных масс колоний и полуколоний против империализма, по пути непрерывного углубления противоречий системы мирового империализма, в конечном счете ведущих к неминуемому его краху. И, как могучий клин, вгоняемый мировой революцией в самое сердце капитализма, — все более крепнет Советский Союз, выросший в непобедимую силу, являющийся магнитом, притягивающим сердца как пролетариев всех стран, так и поработанных империализмом колониальных народов всего мира.

Колоссальны успехи Советского Союза за последние пять лет, как в области экономики, так и в сфере культуры; проблемы восстановительного периода остались уже позади. Союз вот уже несколько лет, как вошел в период социалистической реконструкции, вплотную приступил к задаче переустройства всего нашего хозяйства на новой материально-технической базе. И эти успехи сделаны рабочими и крестьянами Союза под руководством коммунистической партии, потому что они неужлонно, по мере своих сил, ра-

ботали над воплощением в жизнь ленинских заветов: индустриализации страны, превращения ее в самостоятельное по отношению к капиталистическому окружению индустриальное государство, коллективизации сельского хозяйства и кооперирования крестьянства. Стоя на гранитном фундаменте ленинизма, наша партия смогла преодолеть разного рода уклоны в своих рядах, грозившие успеху продвижения страны к социализму.

Громадные достижения в деле построения социалистической экономики позволили нам в последние годы приняться вплотную и за осуществление одного из важнейших заветов Ленина, — «того культурного переворота, той культурной революции, перед лицом которой мы теперь стоим» (т. XVIII, ч. 2, 145). Об этой «культурной революции» Ленин не перестает писать в своих предсмертных статьях.

Для большевиков, как известно, трудности какого-либо начинания служат лишь поводом к удешевлению усилий, направленных на преодоление этих трудностей.

Так обстоит дело и в данном случае. Культурная революция, по Ленину, предполагает прежде всего преодоление неграмотности широких масс, этого печального наследия царизма, ибо без элементарной грамотности не может быть культуры. Но уничтожение неграмотности является лишь средством к приобщению масс к культурному достоянию человечества, к науке и искусству.

И здесь, в области высших идеологических надстроек, партия осталась верна заветам Ленина. Ленин учил рабочий класс в высшей степени бережному отношению к культурному наследию, оставленному нам буржуазным обществом, он звал рабочих к вдумчивому усвоению всего ценного, что имеется в буржуазной культуре. «Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру», — говорит Ленин в знаменитой речи «Задачи союзов молодежи» (т. XVII, 317). Ленинский завет бережного отношения к культурным ценностям прошлого целиком выполнен партией.

Но тот же Ленин учил нас тому, что мало усвоить все, что было ценного в культуре прошлого, нужно переработать старую культуру, не-